

Солнечные лучи пробивались сквозь окно, заливая золотом каждый уголок комнаты.

Длинные, загнутые кверху ресницы мелко подрагивали, словно крылья бабочки. Стоило шагам приблизиться, как их обладатель открыл глаза — янтарные, большие и яркие, как у ребенка, чистые и прозрачные.

Его волосы, мягкие и пушистые, слегка вились от природы. Вероятно, из-за того, что спал он слишком долго, Е Фэйжань протер глаза и зевнул, смахнув выступившие слезинки, а затем лениво потянулся.

— Корм сегодня давали? — Гигант в белом халате наклонился, и его огромный глаз уставился на Е Фэйжана, запертого в прозрачной клетке для питомцев.

Стоявший рядом человек в страхе прошептал:

— Еще нет, он только проснулся.

— Анализ крови взяли? — Белый халат не сводил с Е Фэйжана взгляда. В его зеленых глазах не было ни капли тепла; он смотрел на Е Фэйжана не как на живое существо, а как на неодушевленный предмет.

Е Фэйжань тоже смотрел в этот глаз. Каждое утро, просыпаясь, он видел перед собой этот огромный зрачок. За полмесяца он прошел путь от полной растерянности до ледяного спокойствия.

В этой прозрачной коробке было всё: мягкая постель, ароматная еда и даже крошечный платяной шкаф. Под ногами — искусственный газон, над головой — лампа, имитирующая солнце. Все это напоминало игрушку для маленькой девочки или кукольный домик.

— Взяли, — ответил ответственный за кормление и записи человек. — Он абсолютно здоров, никаких болезней.

Белый халат сухо кивнул:

— Подготовь его. Гости скоро будут.

Крышку клетки медленно открыли. Замок можно было открыть только снаружи; Е Фэйжань много раз пытался справиться с ним ночью, но безуспешно. План побега провалился, оставалось лишь действовать по обстоятельствам.

Впрочем, эти люди, казалось, не питали к нему явной злобы. Е Фэйжань опустил взгляд, позволяя взять себя под мышки, и покинул свою прекрасную тюрьму.

С того момента, как его схватили, он ни разу не выбирался из этой комнаты. Эти гиганты были точны, как механизмы, и строги, как боевое оружие.

Смотритель посадил Е Фэйжаня на руку, как взрослый держит ребенка. Его крепкие мышцы были твердыми, как камень. Е Фэйжань поерзал, чтобы не засиживать одну сторону.

Но... Е Фэйжань внимательно посмотрел на смотрителя, который ухаживал за ним последние полмесяца. Что-то было не так.

Смотритель пытался улыбкой успокоить его, но на лбу выступил пот, взгляд метался, губы были плотно сжаты. Он нервничал, или, вернее, боялся.

Куда он его несет? Е Фэйжань наблюдал за окружающей обстановкой: при первой же возможности он отсюда сбежит.

— Ты наверняка очень понравишься господам, — возможно, от сильного беспокойства смотритель тихо заговорил с Е Фэйжанем, не заботясь о том, понимает ли его это милое крошечное существо. Ему просто требовалось хоть немного уверенности.

Е Фэйжань промолчал. Он играл со своими пальцами, притворяясь, что ничего не понимает.

Смотритель сглотнул. Какое же прелестное создание! Белоснежная, нежная кожа, большие яркие глаза. Он такой крошечный, такой мягкий, и когда смотрит на тебя, в его глазах столько доверия. Когда эти маленькие слабые ладошки касаются тебя, кажется, будто время останавливается.

Смотритель тихо, с тоской вздохнул:

— Если бы я пошел служить в армию, может, и у меня был бы такой же капи, как ты.

Е Фэйжань по-прежнему не реагировал. Даже сидя на руке смотрителя, он держался прямо и грациозно, с выправкой потомственного аристократа, врожденной сдержанностью и гордостью.

Они прошли по темно-серому коридору. Материал стен был странным, похожим на металл, но шаги по нему не издавали ни звука. Каждые шесть метров попадалась маленькая дверь, плотно пригнанная к проему. Внутри царила тишина — неизвестно, был ли там кто-нибудь.

Людей здесь было мало. По пути встретились лишь двое-трое сотрудников. Двигались они бесшумно, ступали мягко, выглядели серьезными, холодными и педантичными — атмосфера настоящего военного объекта.

Е Фэйжань вспомнил слова смотрителя: Если бы я пошел служить в армию...

Он опустил веки, скрывая настороженность и жестокий блеск в глазах. Если обстановка накалится...

Даже если придется убить этого зрителя, он сбежит. Он не собирался умирать в этом странном ином мире.

Зритель остановился у двери в конце коридора. Е Фэйжань почувствовал, как дыхание мужчины стало тяжелее, сердце забилося чаще, а мышцы под ним напряглись. Он боялся. Ужасался.

Зритель глубоко вздохнул и медленно потянул дверь на себя.

Ослепительный свет на мгновение ослепил Е Фэйжана. Когда глаза привыкли, он смог разглядеть обстановку — и людей.

Комната была похожа на допросную: серо-стальные стены, никакой отделки. Внутри стояло пять стульев, и на каждом сидел человек.

Взгляд Е Фэйжана скользнул по ним и остановился на том, кто сидел с краю.

У него было мужественное, красивое лицо: прямой нос, тонкие губы, словно высеченные из камня. Его золотистые глаза с вертикальными зрачками были слегка прищурены, глядя с почти равнодушным пристрастием. Короткие волосы, черные до фиолетового отлива, напоминали лезвие ножа, уже знавшее вкус крови.

Е Фэйжань отвел взгляд и покорно опустил голову.

Ему не нравилось, как эти люди осматривали его, будто он не живое существо, а товар, который можно оценить или сравнить с другим.

Пот со лба зрителя капнул на пол, оставив заметное пятно.

Все взгляды переключились с Е Фэйжана на зрителя.

Меня убьют — эта мысль была единственной, что билась в голове мужчины.

— Это и есть распределенный мне капи? Хм? — Нарушил гнетущую тишину рыжеволосый мужчина, сидевший во главе стола. Он был в военной форме, в высоких сапогах, а на его лице играла насмешливая улыбка.

Никто не ответил.

Смотритель, словно придя в себя, в страхе согнулся в поклоне, выражая абсолютное подчинение. Если бы не Е Фэйжань на руках, он бы уже стоял на коленях.

— Это капи для вас, — смотритель поднял Е Фэйжана над головой. В его голове пульсировала одна мысль: сбежать, уйти отсюда, иначе смерть.

Но реальность не позволяла ему сбежать. Он мог лишь стоять, согнувшись в три погибели, не смея поднять головы.

Рыжеволосый рассмеялся:

— Я знаю, кто это. Или ты думаешь, я слепой?

— Н-нет, что вы... я... — смотритель лишился дара речи. Страх, словно огромная рука, сжал его сердце. Руки, державшие Е Фэйжана, дрожали, и вместе с ними дрожал сам капи.

— Эли, — подал голос человек, сидевший рядом с рыжим. Его тон звучал как предупреждение.

Рыжеволосый убрал злобный взгляд, закинул ногу на ногу и продолжил наблюдать за представлением с усмешкой.

— Нас пятеро, а капи только один, — произнес тот, кто сидел рядом с Эли. — Неужели больше не нашлось?

Смотритель задрожал:

— Остальные еще не достигли совершеннолетия, они слишком дикие. Только этот... очень послушный.

Е Фэйжань не поднимал головы. Он чувствовал на себе тяжелые взгляды, но продолжал спокойно играть с пальцами. Однако это было не всё: он сохранял ясность ума, отмечая каждое место, где можно было спрятаться.

Вентиляционная решетка на потолке, каждая комната по пути, мусорное ведро у входа. Направление к главному выходу.

Это была вся информация, которую он успел собрать.

— Поставь его на пол. Пусть сам подойдет, посмотрим, так ли он послушен, как ты говоришь, — голос рыжего был мягким, почти как шепот любовника, полный необъяснимого очарования.

Смотритель взглянул на Е Фэйжана. Казалось, он взвешивал, стоит ли защищать этого

маленького питомца.

Вскоре он принял решение. Он опустил кроху на пол и, выдавив улыбку, которая была страшнее слез, прошептал:

— Иди, милый, иди туда.

Его палец указывал на Эли.

Босые ноги Е Фэйжання коснулись холодного пола. Все смотрели, как маленький капи пытается устоять на ногах. Пол был слишком скользким, и Е Фэйжань упал, растянувшись на полу. Он глубоко вдохнул, скрывая унижение, которое, казалось, вот-вот выплеснется наружу.

Сидящие впереди наблюдали, как маленький капи неуклюже идет вперед. Его темный пол делал кожу капи еще светлее и нежнее. Он падал несколько раз, но каждый раз, поднимая голову, закусывал губу, а в его больших глазах читалось упрямство, щеки порозовели.

И все же, даже так, его походка была завораживающей: напряженный подъем стопы, округлые пальцы — каждый шаг напоминал танец. Большие глаза смотрели прямо перед собой, словно в них плескалась родниковая вода — мягкая и трогательная.

Эли сглотнул и, не сдержавшись, приманил его:

— Иди сюда, малыш, иди ко мне.

Не только Эли — остальные трое мужчин тоже украдкой достали вещи: печенье, игрушки, безделушки.

Было ясно, что все это готовилось заранее. Е Фэйжаню не нужно было присматриваться, чтобы понять: за все время здесь он ни разу не чувствовал такого сладкого молочного аромата печенья.

По крайней мере, эти люди не были угрозой.

Сердце Е Фэйжання немного отлегло.

Идти было тяжело. У него не было обуви — точнее, даже приличной одежды. На нем был лишь светло-голубой комбинезон, облегающий, словно детская пижама.

Неизвестно, сколько времени прошло, но Е Фэйжань наконец остановился. Он стоял посреди комнаты, словно в самом центре внимания.

Е Фэйжань поднял голову и огляделся. Эти великаны смотрели на него, как на кусок мяса на рынке, ожидая, кого он выберет.

Эли продолжал приманивать его:

— Малыш, иди ко мне, я угощу тебя вкусеньким.

Остальные были более сдержанны, даже презирали методы Эли.

Родес, сидевший дальше всех, смотрел на этого смелого капи. Его золотистые глаза были холодными и яростными. Обычно тот, кто сидел дальше всех, добровольно отказывался от права на опеку, так как нежные капи не могли пройти такой путь.

Тот, кто сидел ближе всех, обычно становился победителем, получая право на компанию и исцеление. Истерзанные войной души нуждались в утешении.

Е Фэйжань пристально посмотрел на черноволосого мужчину, который не проявлял к нему интереса. Он увидел в этом гиганте отражение самого себя.

Затем он медленно поднял обе руки.

Все затаили дыхание.

Е Фэйжань стоял напротив Родеса, без страха глядя в те самые золотистые вертикальные зрачки.

А потом на его лице расцвела чистая, сладкая улыбка.

Белоснежные зубы блеснули в свете ламп, мягкие каштановые волосы чуть завились, большие глаза прищурились от радости, и казалось, будто даже воздух вокруг наполнился весельем.

— Этот капи... он счастлив.

Это была общая мысль всех присутствующих. Но никто не знал, что означал этот жест.

Только зритель, дрожа всем телом, срывающимся голосом прошептал:

— Г-генерал Родес, крошка просит, чтобы вы взяли его на руки.

Воздух в комнате застыл. Никто не проронил ни звука, лишь смотритель стоял в стороне, охваченный ужасом.

Он знал, что этот капи особенный. С самого прибытия в институт он вел себя на удивление спокойно и послушно. У него были глаза, не похожие ни на чьи другие.

Но сейчас смотритель не смел даже поднять головы.

Хотя это называлось двусторонним выбором, на самом деле капи был заранее предназначен генералу Эли. Остальные четверо генералов были лишь для фона, чтобы соблюсти формальности. Поэтому самое близкое место занимал Эли.

Положение генерала Родеса было незавидным: он получил ранение в войне в Заливе и потерял благосклонность Совета Старейшин. Если бы не его выдающиеся боевые заслуги, он бы даже не получил шанс встретиться с капи.

И все же этот капи выбрал генерала Родеса, сидевшего дальше всех.

Смотритель опустил голову еще ниже.

Е Фэйжань продолжал улыбаться. Внешне он казался совершенно искренним, его взгляд был прикован к Родесу, и он не замечал никого вокруг.

Когда Е Фэйжаню показалось, что эта тишина будет длиться вечно, золотоглазый мужчина по имени Родес наконец пошевелился. Он встал и шаг за шагом направился к крошечному питомцу.

Родес смотрел на него. Даже если он редко видел капи, он должен был признать — это создание было невероятно красивым. Огромные глаза на маленьком лице смотрели на него так, словно он был для них целым миром.

Три года назад у него уже был шанс взять капи. Тогда он сидел на месте Эли, и он был назначенным опекуном. Но тот капи, увидев его, просто обмочился — от страха. А потом начал неистово кричать, так пронзительно, что даже Родесу стало больно.

С тех пор, как бы высоко ни превозносили капи, для Родеса эти трусливые и изнеженные существа не стоили таких похвал.

Однако этот был другим. В его глазах словно плескалась родниковая вода, на нежных щеках играл румянец, и он, подняв руки, смотрел на него снизу вверх.

Родес протянул руку.

И...

Игнорируя протянутые руки Е Фэйжання, он схватил его за шиворот и поднял перед собой.

Е Фэйжань: «...»

Как бы он ни был ошарашен внутри, он должен был продолжать улыбаться — искренне, безупречно.

Родес посмотрел на промежность Е Фэйжання, окинул взглядом: отлично, не обмочился.

— Родес... — раздался скрежет зубов Эли. Его волосы, огненно-рыжие, встали дыбом, словно иглы, и весь он походил на бушующее пламя. — Что это значит?!

Родес взглянул на него с бесстрастным лицом. Е Фэйжань, находившийся ближе всех, наблюдал за его глазами и сделал вывод: Родес вообще не ставит Эли ни во что.

В его глазах не было никого. Пустота, высокомерие, ярость и холод.

Именно поэтому Е Фэйжань выбрал этого гиганта.

— Ладно, ладно, — кто-то попытался выступить миротворцем, но лишь бросил короткую фразу, явно не желая ввязываться.

Эли был в ярости. Он сверлил Родеса взглядом, его красные вертикальные зрачки источали злобный свет.

— Не вздумай превращаться здесь! — Миротворец схватил Эли за руку. — Это всего лишь капи. Пусть пришлют еще одного.

— Чего стоишь! Живо! — рявкнул миротворец на зрителя.

Тот опомнился и, спотыкаясь, бросился вон.

Он даже не смел думать о том, что случится с капи, которого он оставил в комнате.

Предыдущий капи, которого зритель оставил в комнате...

Когда его нашли, он был похож на сломанную тряпичную куклу: конечности вывернуты, глаза вырваны, кровь заливала пол.

Для военных, выживавших среди крови и сражений, если они не могли получить желаемое, то предпочитали уничтожить его, чтобы не досталось другим.

К тому же... никто из психологически нормальных военных не получил бы права на опеку капи.

Атмосфера накалилась до предела. Эли напоминал взведенный курок.

Е Фэйжань смотрел на Эли. Он ничего не делал. Хотя Родес держал его, как цыпленка, это было не так уж неприятно — Родес неожиданно хорошо чувствовал угол и силу захвата. Е Фэйжань поднял голову, глядя на решительный подбородок Родеса, и пришел к выводу, что этот гигант на самом деле неплох.

— Ты хочешь его? — Родес слегка покачал капи в руке. Его голос был лишен эмоций.

Эли смотрел на него, его мышцы напряглись, на лбу вздулись вены. Подобное поведение Родеса было почти провокацией.

Родес снова покачал Е Фэйжана и спросил уже у него:

— Ты хочешь пойти с ним?

Затем капи совершил нечто, шокировавшее всех: он с трудом развернулся, высоко поднял руки и, медленно, по миллиметру, коснулся кончиками пальцев кончиков пальцев Родеса.

После чего он одарил Родеса ослепительной улыбкой, показав белые зубы, словно его совсем не смущало нынешнее положение.

Для избалованных капи это было невероятным поступком. Эти существа, которых растили на руках, не могли вынести ни малейшего страдания — хрупкие стеклянные куклы, даже легкое прикосновение могло нанести им невообразимый вред.

На этот раз даже Родес был удивлен.

Словно птенец, доверяющий родителю, в глазах этого капи читалось полное доверие к нему.

Е Фэйжань краем глаза глянул на взъерошенного Эли. Почему-то ему показалось, что тот похож на кота, у которого встала дыбом шерсть.

— Видишь, он не хочет идти с тобой, — произнес Родес. Его голос был легким, почти пренебрежительным.

Эли был явно задет. Из его горла вырвался хриплый рык:

— Не думай, что ты все еще генерал Родес трехлетней давности.

Родес посадил Е Фэйжана на стул позади себя и посмотрел прямо на Эли, словно только сейчас заметил его присутствие:

— Хочешь попробовать, кто из нас выйдет из этой комнаты?

<http://bllate.org/book/21282/2156765>